

по лезвию
бритвы

Светлана
и Андрей
КЛИМОВЫ

**ЛОВУШКА ГОРШЕ
СМЕРТИ**

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
К49

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-1624-5 (PDF)

- © Климовы С. и А., 2004, 2008
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008

Часть первая

МАЛЬЧИК

1

Самым страшным воспоминанием детства был для мальчика день, когда мама, приведя его из школы, толкнула незапертую входную дверь квартиры, безмолвной, словно глубокая пещера, и досадливой скороговоркой произнесла:

— Идиними пальто, я забыла купить хлеба...

Дверь захлопнулась, и он остался один в доме. Тишина мальчика не пугала, он привык к ней за эти семь лет; позже, когда у него родилась сестра, он догадался, что на детей вообще никто не обращает внимания — взрослая жизнь плещется сама по себе, а ты, будто в шапке-невидимке, сидишь и наблюдаешь за ней.

Ему ничего больше не оставалось, как привычно забиться в угол короткого диванчика, на котором он спал, так и не сняв школьной курточки, ботинок, пальто и синего берета. Ранец он опустил на пол.

Еще не наступило время обеда, но в их полуподвальной квартире словно застыли вечные сумерки — свет тут должен был гореть с утра до вечера. Когда входная дверь, тяжело скрипнув, открылась, мальчик замер от неожиданности и почувствовал, как сердце его застучало быстрее. Но это была не мама.

В комнату, натыкаясь на стулья, вошла бабушка Маша и как была, в плаще и зеленой потертой шляпке, издав горлом хриплый короткий волчий вой, повалилась — обутая — на постель.

Он осторожно приблизился к ее высокой железной кровати и пересохшим маленьким ртом громко сказал:

— Сними туфли, Манечка!

А она, встрепенувшись, снова взвыла и прижала его, притянув к своему полному бедру в плаще, пахнущем пыльной улицей, нафталином и хозяйственной сумкой.

— У-у, — всхлипнула она, — принеси мне воды, Ванюша!

Мальчик пошел на кухню, которую любил больше всего в доме, налил из кувшина в стакан кипяченой воды и отнес.

— Теперь уйди, — сказала бабушка. — Пожалуйста.

Мальчик с готовностью покинул ее и снял свое пальто, залитое водой, потому что, пока он нес до краев полный стакан, руки его дрожали и часть содержимого выплеснулась на живот. Поверх пальто он повесил берет, под ними поставил ботинки и в одних носках вернулся в комнату. Бабушка неподвижно лежала на спине, по-прежнему в плаще. Крепкие ноги ее в простых темных чулках, обутые в старые туфли, напоминали две выброшенные пустые бутылки — на бледно-розовом, вчера только отглаженном марселевом покрывале.

Он замер в своем углу.

Тихо было до невозможности. Мальчик боялся даже глубоко дышать. Но не из страха, который исчез без следа, а скорее по привычке, образовавшейся в те долгие времена, когда они жили вдвоем, никогда вечерами не мешать Манечке засыпать. Ибо засыпала она труд-

но, и одним из условий их совместного существования было — не мешать уснуть. Еще она задыхалась при быстрой ходьбе, поэтому он усвоил, что не нужно прыгать, бегать и спешить куда-либо. А громко говорить или смеяться мальчик как-то не привык, потому что при любом резком звуке бабушка обмирала и бледнела.

Он хотел шепотом крикнуть матери, вошедшей своей бесшумной легкой походкой в комнату: «Не буди, Маня заснула...», но не успел, так как она уже стояла у кровати.

— Что происходит, мама? Почему ты лежишь в постели одетая?

— Я умираю, — сказала Манечка совершенно отчетливо. — И мне страшно...

— Что за глупости? — Низкий голос молодой женщины прозвучал слегка раздраженно. — Опять эта твоя мнительность! Сними плащ, вставай, пора обедать.

Манечка издала каркающий смешок.

— Дай руку, — сказала она, — сейчас расстегну... Не дергайся, Полина, я не чумная. Все так просто — врач мне показал еще в прошлый раз. Вот здесь — пробуй, не бойся — опухоль величиной с орех. А-а, в том-то и дело... И уже все поздно...

— Нет, — сказала мама, и мальчик содрогнулся глубине отчаяния, прозвучавшего в этом коротком слове. — Никогда не поздно. Мы поедем в Москву, нам поможет Валентин Александрович...

— Никто мне уже не поможет, — возразила Манечка так тихо, что мальчик едва расслышал ее в своем углу. — Живешь, мучаешься, надеешься... Зачем все было?

Бабушка умерла весной, но к тому времени в доме уже жил отец мальчика.

Появление этого человека, Алексея Петровича, несколько озадачило Ивана, потому что со словом «отец» он вначале связал другого мужчину, который посетил их подвал в январе, когда у мальчика были каникулы и к Новому году Маня испекла последние в своей жизни пироги.

Он по обыкновению сидел, поджав ноги в цветных шерстяных носках, на своем диванчике, смотрел, как мама вслепую вяжет ему свитер, а на безлюдной улице мело колючим снегом. Бабушка жила теперь в маминой комнате в конце узкого и высокого коридора, а здесь, в комнате побольше, прямо напротив кухни, ничего не изменилось, кроме места для сна. Маня переехала вместе со своей выкрашенной масляной краской кроватью с черными шарами, периной, потертым ковром, подушками и стареньким телевизором, а мама перетащила сюда свой жесткий и холодный диван.

За наглухо зашторенным окном, уходящим до половины в промерзлую землю, было уже темно, и мальчик потянулся к книжке, которую ему положила бабушка под елку, — когда в дверь позвонили.

Мама, взметнув в удивлении бровь, пошла открывать. Во второй половине дня Манечка обычно не вставала со своего «Титаника» — так она звала кровать — до утра. Мальчик прислушался к голосам в коридоре. Горел только ночник над его головой, освещая плотные страницы большой синей книги о дяде Степе; в третий раз он взялся ее читать, чтобы понять смысл. Спросить у матери он не рисковал — у Лины был еще тот характер. Вот и сейчас она сразу же, войдя в комнату и включив верхний неяркий свет, произнесла ужасные слова. Лампочка замигала и голо замерла под далеким потолком. Мать сказала, чтобы он шел в комнату к бабушке.

— Можно я не пойду? — осторожно спросил мальчик, во все глаза разглядывая большого мужчину за ее спиной.

На высоко подбритых висках мужчины истаивали последние снежинки.

— Ты сейчас же отправляешься в комнату к бабушке! — повысила голос мама, беря сигарету со стола подрагивающей рукой.

— Значит, вот какой у нас мальчик! — произнес мужчина, с любопытством разглядывая Ивана. — И ему, кажется, уже семь лет?

— Это мой сын, — раздраженно сказала мама. — Иван, ты что, не слышишь меня?

— Линочка, — воскликнул он, — позволь мне остаться. Маня спит и так стонет. Там даже негде сесть, кроме ее кровати. — И примирительно добавил: — Я не буду вам мешать.

Мать, как бы сразу потеряв ко всему интерес, села за стол, чиркнула спичкой и, вздернув подбородок, взглядом пригласила мужчину расположиться напротив. Мужчина мог поместиться за столом только спиной к мальчику, что он и сделал, оглянувшись еще раз на угол, где за книгой виднелась рыжеватая макушка.

Мальчик читал, беззвучно шевеля губами, но голоса в комнате звучали помимо его желания ничего не слышать.

— Ты ведь раньше не курила, Лина?

— Теперь курю.

— Я долго вас искал, вернее, Марию Владимировну. Мама без интонации произнесла:

— Она вскоре уехала сюда, в Харьков.

— Почему?

— Ну, вы же знаете мою мать. С ее принципами и чувством вины перед всем человечеством... Какие-то давние знакомые помогли ей устроиться дворником и получить жилье. В доме, где было несколько пустующих подвалов. Она выбрала один, посуше, и, пока я не вернулась, соорудила вот эту квартиру. Тут много места — при желании можно сделать еще комнату.

— А когда ты вернулась?

— Два года назад.

— Ты работаешь?

— Кому я нужна? — сказала мама. — Так, помогаю чем могу.

Мальчик с опаской выглянул из-за книги. Он видел край стола, покрытого полотняной, в крупную клетку, уже несколько несвежей скатертью, тяжелую спину мужчины в отлично скроенном твидовом пиджаке и ломкую фигуру матери, очерченную тенью на противоположной стене.

Сколько он себя помнил, в доме что-то двигалось, строилось, гремело, замирая лишь на короткое время, пока окончательно не остановилось с приездом мамы. Но и потом Манечка была вечно занята — она брала белье в стирку, и тогда часами на газовой плите что-то кипело в огромной выварке, а ванна была до краев заполнена мокнущими простынями...

Мужчина обернулся и встретился с ним взглядом. Взгляд был внимательный, печальный, и в мальчике шевельнулось слово «папа». От немыслимой надежды, что мать признает отцовство гостя, и опасения, что его самого она снова попытается выгнать из комнаты, он спрятал лицо за книгой. Однако Лина ничего не заметила, как бы напрочь забыв о присутствии сына.

— Как вы нашли нас, Дмитрий Константинович?

— Это неважно. Лина, на кого похож Ванечка? По моему...

— На бабушку Машу, — перебила мужчину мама.

Мальчик сжался, боясь, что теперь-то она обязательно обратит на него внимание и выставит вон. Но мамин голос насмешливо продолжал:

— Мой сын вылитая моя мать: круглый, пухлый, светловолосый и страшно упрямый. Она в нем души не чает...

— Да, — сказал Дмитрий Константинович, — на тебя-то он мало похож... Ну что же, я, собственно, прибыл по делу и сегодня возвращаюсь в Москву. Ты всегда была, как бы это поточнее выразиться, несколько угловата в общении, а теперь особенно, так что разговора душевного у нас не получается...

— А вы ожидали, что я вам на грудь с рыданиями брошусь?

— Упаси Господь, где уж нам на такое надеяться... Я просто полагал, что по прошествии стольких лет, для тебя таких тяжелых, ты будешь помягче к своим старым друзьям и пооткровеннее.

— К друзьям? Вы, Дмитрий Константинович, были моим адвокатом, а дружили мы очень-очень давно, в прошлой жизни.

— Жизнь одна, Лина. Хорошо, пусть будет адвокат. Ты сама облегчаешь мне задачу, ведь я был не только твоим адвокатом. Поэтому перейдем непосредственно к делу. Я привез тебе деньги — десять тысяч долларов, которые ты получишь на основании одного из документов, имеющихся в моем портфеле, дав взамен расписку о получении. Ясно излагаю?

— Да.

— Второе. Мне нет дела, как ты распорядишься этими деньгами: они твои. Но у меня имеется нечто, непосредственно касающееся твоего сына. Я обязан до истечения восемнадцати лет с момента его рождения выплачивать тебе ежегодно по две тысячи долларов на его воспитание и образование.

— Мне не нужно этих денег, — сказала мать.

Мужчина быстро оглянулся на диванчик и, понизив голос, проговорил:

— А меня не интересует, как ты к этому относишься. Я связан, ты слышишь — связан не только обязательствами, но и другими, более сильными чувствами по отношению к этому ребенку. Поэтому ты откроешь счет в банке, я скажу в каком, и сообщишь мне реквизиты. Туда тебе переведут еще четырнадцать тысяч, а затем ты будешь получать в начале каждого года те деньги, которые по завещанию должны пойти на содержание ребенка. Ты любишь своего сына, Лина?

— Вы что, с ума сошли? — громко сказала мать, и мальчик втиснулся в мягкую подушку и закрыл глаза, умоляя неведомо кого отвести ее гнев от этого мужчины и от него самого.

— Не горячись, — усталым голосом произнес мужчина, — что-то у меня сегодня с тобой ничего не получается. Дело в том, что на какое-то время я уеду за границу. Через год вернусь. Перед отъездом я прослежу, чтобы тебе перевели деньги. Купи мальчику одежду, игрушки, книги, наконец... Купи пианино. Займись им, возьми преподавателя иностранного языка...

— Зачем? — У мамы был каменный голос.

— Затем, что так надо и так хотел тот, кто...

— Я сама знаю, что надо.

— Бог с вами, Полина Андреевна, — несколько раздраженно произнес мужчина. — Извини меня, я понимаю, что появился внезапно и ты была не готова к такому разговору. Могу я повидаться с Марией Владимировной?

— Нет. Она нездорова.

— Что случилось?

— У нее рак груди.

— Прости, — огорченно сказал мужчина. — Она не забыла меня?

— Она прекрасно к вам относится, Дмитрий Константинович.

— Передай ей мой поклон...

— Непременно передам, — перебила мужчину мама.

Мальчик не запомнил, как Дмитрий Константинович покинул их дом, — он был слишком обеспокоен состоянием матери, которая, возвратившись, швырнула что-то на стол, закурила новую сигарету и метнулась на кухню, — и все это не глядя в его сторону, словно он внезапно стал неодушевленным предметом.

Но это длилось только несколько минут. В кухне загремело, мама вошла в комнату, нет, вбежала, оставив дверь распахнутой, и бросилась к нему. Он увидел ее мокрое от слез, несчастное, безумно красивое лицо и очень испугался, когда женщина больно прижала его к себе. «Ты мой, самый любимый, навсегда мой, не отдам, не отдам!» — бормотала она, вся дрожа, и хотя мальчику было страшно и жаль ее, плакать он себе запретил...

Он не плакал даже тогда, когда впервые в жизни увидел свою мать.

К тому времени Иван довольно тщательно исследовал отведенное ему жизненное пространство и уже начал обустраиваться в нем. Шел непрекращающийся ремонт, ожидание, пока бабушка моет подъезд, походы по магазинам; были руки, голос и запахи Манечки. В три года он освоил счет — каждый раз, спускаясь по лестнице, ведущей вниз к двери их квартиры, Маня повторяла: «Будем, Ванюша, считать ступеньки. Их всего четырнадцать. Начали: одна, две, три...» Так что к пяти годам мальчик без особого напряжения помогал ей пересчитывать замусоленные, пахнущие ржавым железом бумажки, раскладываемые Маней на кучки: «Один рубль, два... три... десять...» — в общем, простая арифметика. Куда сложнее было число крикливых ворон, летящих на городскую свалку, или густых молочных капель, сливающихся в тугую пенную струю, которую молочница Фрося направляла в Манечкин бидон из крана своей грязно-желтой железной «коровы». Бочка с молоком стояла около часовой мастерской наискось от их подъезда каждое утро.

Мама вернулась осенью.

Харьков в ту пору, на семидесятом году каменного стояния империи, вероятно, более, чем иные крупные города, напоминал запущенный заезжий двор, боком поставленный при большой дороге на юг. Летом он продувался пыльными ветрами, а ранней зимой и весной погружался в туманную дремоту, слякоть и грязь. Только короткая осень давала этому городу холодную прозрачность воздуха, чистые краски, темную голубизну неба. В одно такое почти морозное утро бабушка взяла мальчика с собой на вокзал.

Она была как бы не в себе — мальчик это заметил, несмотря на поглощенность предстоящим путешестви-

ем. Бабушка нервничала, поджидая трамвай, поглядывала на часики, то и дело теребила ворот своего давно вышедшего из моды широкого плаща. Одной рукой Манечка до боли сжимала его маленькую шершавую холодную ладонь, другой же то шарила по карманам в поисках носового платка, то подхватывала сползающую с плеча сумку, то вновь трясла кистью, сдвигая рукав и пытаясь высмотреть на часах точное время.

Наконец подполз нужный трамвай: полупустой, с невымытыми окнами и сонным вагоновожатым. Они спешно погрузились через переднюю дверь, и мальчик сразу же сел к окну. Трамвай вздрогнул, мимо проплыло и пропало позади серое громадное здание Госпрома. Вагон еще раз вздрогнул, убыстряя бег, понесся по склону, резко свернул раз, еще раз и только затем размеренно и скучно поплелся к вокзалу.

Мальчик там был впервые. Однако ничего особенного, такого, чтобы запомнилось или заинтересовало, он не увидел. Теперь бабушка быстро вела его, крепко прижимая к боку, словно поклажу, мимо спящих по привокзальной площади людей. Дыхание его сбилось от быстрого шага и чужих запахов. Он не мог вздохнуть полной грудью, потому что чистый воздух кончился, как кончились золотые разлапистые листья на деревьях и прозрачное синее небо.

Однако еще более получаса им пришлось постоять на перроне. Он утомился считать вагоны и следить за лицами мечущихся туда-сюда людей. Под ногами был заплыванный асфальт, несло гарью.

— Манечка, чего мы ждем? — спросил он наконец недовольно. — Я домой хочу.

— Ангел мой, — сказала бабушка, — мы ждем твою маму, но поезд что-то запаздывает, потерпи чуть-чуть...